

«ГОРОД КУСТОДИЕВ»

Цели-целехоньки, наподалеку друг от друга стоят в прекрасном древнем городе Астрахани дома, где жил в юности Борис Михайлович Кустодиев. И легко представить мальчишку, выбегающего из ворот и «уносимого» сильным астраханским ветром за город, в поле, к огромной, величавой Волге, свободно увлекательной лодки, плоты, груженные арбузами, баржи да пароходы. Как славно было ему нырять под них, выказывая лихость, выныривать с другой стороны! Как спавно было мчаться за воздушным змеем, рыбалить и обедаться опалюющей ухой... Уже зрелым художником расскажет Кустодиев об Астрахани, городе богатеев и нищих: «...И сделан город бесчисленно хорош, а кругом его пояс мраморен, зелен да красен...».

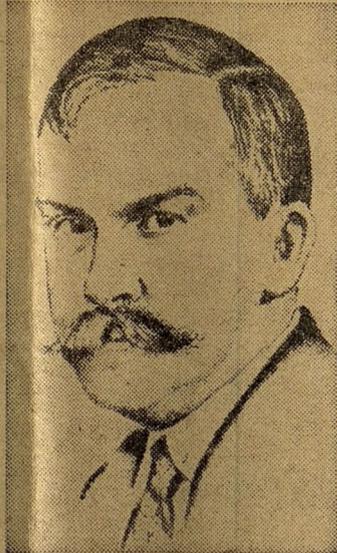
Из Астрахани уезжает он в далекий Петербург, напутствуемый своим учителем П. А. Власовым, которому напишет через тридцать лет: «...нашел у Вас все то, что сделало меня художником: любовь к нашему искусству и фанатичное отношение к труду...». Эти качества поведут Кустодиева через тернии к звездам, станут чертами характера, убеждением, верой и смыслом жизни.

В Астрахани художник родился, а «колыбелью» его стало село Семеновское-Лапотное Костромской губернии. Здесь он писал этюды к своей первой большой картине «Базар в деревне». Спустя годы на многих кустодиевских полотнах оживет веселая карусель бойкой базарной жизни, где торгуют, меняют, развлекаются и просвещаются одновременно, где неразборчиво дело и праздник.

«...А что у меня сегодня хорошее настроение, — писал он, — базар такой, что я как обалделый... Только стоял да смотрел, желая обладать сверхчеловеческой способностью все это запечатлеть и запомнить и передать...». Вот как остро он воспринимал, как бурно реагировал. Чувствовал себя на базаре как в центре стремительного многокрасочного вихря... Свои восхищения этой жизнью он будет живописать потом долго. Все пленяло его — снег, мороз, крестьянский быт, тишина, звуки в этой тишине, запахи, говор... Под мольбертом и этюдником каждый день вышагивал он по деревенским улицам. Изучал обряды, записывал песни, частушки. Его зоркий взгляд не миновал ни лубка, ни вышивок, ни оригинальных одежд, ни игрушек. Краски замерзали — разводил их на керосине, бегал в избу греться...

Когда-то о Кустодиеве писали: «Прирожденный художник-бытовик». Говорили: по его картинам «будущий историк сможет вернее судить об этнографическом колорите старой России, чем по научным трактатам». Удивлялись, как это он сумел пререзать «скуку» быта в величественную эпопею... Сам художник определял так: «...быт — это человек...». У его быта точный географический адрес: Поволжье, жизнь городов, так или иначе связанных с великой русской рекой. Вспоминаая их, и создавал мастер свой «город Кустодиев». А публика, как рассказывал А. В. Луначарский, на выставках «кузнала»: Тотма! Царево-Кокшаев! Пирятин! Кустодиев смеялся. настолько реален и типичен был его город. «Построен» из достоверных деталей. Из той же Астрахани память услужливо приносила ему надпись с вывески над лавкой и даже какого-нибудь витиеватого дракона на конце водосточной трубы. Купчиха, встреченная в детстве, оживала в памяти, двигалась, разговаривала, сверкала богатыми одеждами.

«Город Кустодиев» мы видим сейчас на выставке в Академии художеств СССР, посвященной столетию мастера. Здесь его неповторимые улицы, площади,

● «Автопортрет». 1925 г.

● «Купчиха за чаем». 1918 г.

дворы, переулочки... Целый город! Подсмотренный в детстве и столь неожиданно преображенный фантазией зрелости. Художник хотел создать типично русскую картину, «как есть картина голландская, французская...». Когда приезжал в Старую Руссу, липа тянула навстречу ему свои ветви, «на которых мои любимые русские птицы... домики, заборы, вдали главы церквей — моя милая и такая родная Русь...». Он восхищается провинцией, усмекает, видя ее нелепицы, благоухает, затихает перед ее пейзажами и воспекает ее прекрасную женщину. Женщина эта — женщина русская, а провинция — провинция русская. Кустодиев — очень национальный художник, весь сотканный из быта, нравов, сказок, книг, системы отношений и обычаев своего народа.

«Моя бесконечная провинция...» Но мы никогда не узнали бы ее, останься Кустодиев только дотошным бытописателем. Менее всего его полотна этнографичны. Ярмарки, балаганы, санные катания ночью, свадебный пир. И, конечно, апофеоз веселья, праздничности, беззаботности, искристости — «Масленицы». Сани, ах вы сани, расписные, с алой полостью; ямщик в синем армяке, шапка с малиновым верхом... Без конца и устали мчаться-вихриться саням, завиваться по снегу, засыпавшему город... Ликующий снег, драгоценные камни — ничто с ним в сравнении. Голубой, голубенький, синеватый, розовый... Бело-голубовато-розовое, свежее, дымчатое, хрустящее, переливающееся, жаждущее задора, песни, поцелуя, шутки. Не холоден снег, не охлаждающий — никто не зябнет. Белопенный снег — для лихости, для троек, для могучих коней, огня, живости веселья. Идет-гулет народное гулянье, гонятся мальчишки за санными, играют парни на гармошке, снуют разносчики, клоуны в балагане прыгают-веселятся под виноградными гроздьями шаров и веселят всех вокруг... Количество персонажей в картинах Кустодиева исчисляются тысячами.

Ширь, удаль, ясность — жизнь, где цвета дразнят друг друга, ауканются, сближаются, уживаются, берутся за руки и весело бегут... Художник создал неповторимый, единственный в своем роде мир: сказку о правде. Сказку о простой жизни. И верно ведь: ничего особенного не происходит на полотнах — веселятся, гуляют, пьют чай, ходят за покупками, наряжаются беседуют. А так интересно и впечатляюще. Потому что повседневное непреходяще, когда «согрето простой

и горячею любовью к видимому...». Любил он писать и «Деревенские праздники», «Сенокос», «Жатву», «Лето». Сквозь неподвижную летнюю жару с улыбочивой добротой смотрит в своих картинах на работающих и отдыхающих крестьян; с удовольствием изображает зеленый лес, свежие копны сена, спешащий прозрачный ручей...

Когда рисовал картину, следовал естественному ходу событий: сначала появлялся пейзаж, а потом приходили и обживали картину люди. Кустодиева считали одним из лучших пейзажистов своего времени, может быть, и за то, что сумел передать острое ощущение единения с природой, землей, небом, деревьями. Художник В. Д. Замирайло, провожая товарища в последний путь, скажет, глядя на сходящийся дождь: «Плачет природа, скучно без Кустодиева».

И все же пейзаж — лишь часть его жанровых полотен. Главное украшение «города Кустодиева» — образ женщины, простой, простодушной и в то же время величественной, красивой, не лукавой, не жеманной. Женщин на его полотнах — а чаще всего это были купчихи — называли торжественными, и действительно, они торжествовали на картинах, что Кустодиев с удовольствием принимал, разве удовольствия не хватало, добро так посмеиваясь. Вряд ли то была ирония, скорее любовное с усмешкой мощным взрывом жизни, ее изобилием. Первые «Купчихи» были написаны в Швейцарии, где Кустодиев лечился. Случайный заказ написать картину «на русскую тему» и душевное томление художника по родным местам совпадают. Он видит русскую тему в облике русской красавицы. «Купчихи» — картина-воспоминание, картина — неутолимая жажда, тоскующий крик о России. ...Четыре прекрасные женщины встретились на площади — четыре богини, не хватает только Париса, вручающего им свое яблоко. Не судачат — величаются, а платье каждой — поэма, цветник. Немодные нынче ткани сверкают и монументальны. Платок купчихи, повернувшейся к нам спиной, — нечто вызывающе яркое, с дерзко контрастными по цвету цветами: синими, желтыми, красными, — просто диву даешься его ослепительности. А город вокруг такой реальный, вздравдавший, здесь много убеждающе бытовых деталей: и дома с зелеными крышами, и лавки с цветастыми вывесками, где изображены дары земные — виноград, ананас, арбуз, яблоки; и восточная красавица, рекламирующая табак; под

вывесками — румяные яблоки и сливы, синие-пресиние; видны часовая да сапожная мастерская, улица, камнем мощенная, с островками зеленой травы... Все, как в действительности. И в то же время ощущаешь себя в сказке. Чем это достигается? Прежде всего яркой декоративностью, а во-вторых — «игрушечностью» изображаемого. Город условен, он как театральная декорация, как игрушка — в него «входишь», будто в ту самую сказочную табакерку: сияет навстречу золотой жестяной калач, улица ведет к церковке, такой ладной, раскрашенной пестро и ярко, а рядом белая, стремительно спешащая ввысь колоколенка поднимается высоко, пролагает путь в голубоватое с белыми облачками небо...

Когда Кустодиев писал «Купчихи», шла первая мировая империалистическая война. В Костромской губернии наслушался он «воя» и «рева» женщин, провожавших своих мужей и братьев на фронт, да понаблюдал крестьянское, очень невеселое лето и понял действительную суть войны. В июне 1915 года, сидя на волжском берегу в Нижнем Новгороде, он смотрел на Волгу: «Такое безмятежное и тихое, и совсем не было видно, что где то сейчас происходит война жестокая, ужасная...». И «Купчиха», и особенно «Девушка на Волге» — это образы, возникшие из «безмятежного и тихого», противостоящего тому ужасному и жестокому, что несла с собой война.

Не иронии, не любовное купеческим бытом чувством мы в картинах Кустодиева, но языческое поклонение красоте и здоровью. Цикл богиня-купчихи венчает богиня-крестьянка на олимпе жизни. «Русскую Венеру» мастер пишет очень усталым, отчаявшись, почти сдаваясь. Но не уступая своей страшной болезни ни на йоту. Он прощается с жизнью ликующим полотном, восклицая: да здравствует жизнь! Перед нами спокойная прекрасная женщина с торжествующей, цветущей плотью, отдающей от повседневных забот.

Кустодиев был передовым человеком своего времени. Три революции вошли в его жизнь, остались в его творчестве. «Очень много работаю», «Работаю, работаю и работаю... Большой художник совершает невозможное. Рисует, наблюдая в бинокль из окна революционную улицу: рождаются картины «Взятие Кремля», «Большевик», «Праздник II Конгресса Коминтерна на площади Урицкого», «Ночной праздник на Неве»...

Кустодиев — художник и че-

ловек очень близок мастерам Высокого Возрождения. настолько разнообразен его жадный интерес к жизни, настолько многогранен его талант.

В детстве пять копеек, полученных от матери, делил так: три копейки на халву, две — на книжку. С той поры день без книги был для него каким-то незавершенным, не совсем удавшимся: «как будто что-то еще не закончено...».

К нему всегда тянулись люди, зная в нем эрудита, человека, одержимого музыкально-театральной «манией». Ему нравилось разговаривать, это у него ненавязчиво и откровенно получалось: ничего не таил, с удовольствием отдавался беседе. Никогда не хитрил. Его биограф В. Воинов рассказывает, что не встречал более плохого «дипломата», чем Кустодиев. Почти не сердился, хотя, случалось, мог разгорячиться, за что потом казнил себя долго и тяжело. Был человеком легко краснеющим и очень скромным — не гордецом, и сам кичащихся, надменных, чиновных не жаловал.

Как в своих полотнах, так и в жизни окупался Кустодиев в веселую суматоху бесшабашной открытости, клеил с женой игрушки, наряжал елку, рядился Дедом-Морозом, устраивал дома маленькие шумные праздники.

Мастер жанровой картины, пейзажист, он был и великолепным портретистом. Кустодиев говорил: «Похожий портрет — это такой портрет, который внутренне похож, который дает представление о сущности данного человека. И тут нужно предоставить художнику возможность выразить свое понимание этой сущности». Максимилиан Волошин, например, у него торжествующий, серьезный, с могучей шевелюрой, что Зевс-громовержец, отбросивший свои громы и молнии.

Совершенно своеобразное и выдающееся явление — Кустодиев-график, Кустодиев-сценарист. В театре мастер всегда, по существу, выступал сорежиссером спектакля. Но и того мало: им владела страсть к скульптуре. Она приходит к нему во Флоренции, городе «какого-то старого, умершего великопия... Там я понял Микеланджело, как он велик и как Роден идет от него». Понял, позаиводвал, захотелось попробовать самому. Он успевает создать ряд надгробных бюстов, статую «Материнство», произведения мелкой пластики.

Вот какой это был человек. Беззаветно любивший Родину, художник неисчерпаемого таланта. Репин называл его руки золотыми. Кустодиев не выпускал кисти из этих рук по двенадцать часов в сутки. Ходишь по выставке в Академии художеств и диву даешься, как много успел создать Борис Михайлович за неполные полвека жизни. И забываешь, что этот большой мастер, жизнерадостный, подвижный, ласковый, веселый, яркий человек, одиннадцать лет вынужден был передвигаться исключительно в коляске, мучительно переносить тяжелейшие операции да еще корить себя: когда был здоров, не писал того, что хотел. Жизнь его — подвиг. Он совершает сверхчеловеческое усилие и так уверенно сражается со своей болезнью, что человек, наблюдавший за ним со стороны, написал: «Вы более жизнерадостны, чем все мы вместе взятые». А Кустодиев еще находил силы подшучивать над собой, когда его возили в кресле на колесах: он-де Карл XII, раненный под Полтавой...

Уходишь с этой выставки и уносишь с собою букет полыхающих красок, испытывая чувство гордости за величие и силу человеческого духа, радости за то, что есть и будет всегда на русской земле, в русском искусстве «город Кустодиев».

Виктор ЛИПАТОВ